

О «ДЕЛЕ ВРАЧЕЙ» (ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ)

А. Ногаллер, доктор медицинских наук, профессор
Рязань, Россия; Мюнхен, Германия
E-mail: a.nogaller@mail.ru

Изложены воспоминания автора о готовившемся в СССР в 1948–1953 гг. по указанию И.В. Сталина судебном процессе над врачами, ложно обвиненными в убийствах, вредительстве, шпионской деятельности.

Ключевые слова: история медицины, «дело врачей».

В январе 1953 г. в газете «Правда» было опубликовано заявление ТАСС о якобы раскрытом заговоре «убийц в белых халатах». В нем сообщалось, что действия врачей-убийц способствовали смерти ряда видных деятелей страны, что они намеревались убить руководителей Советского Союза и были шпионами зарубежных капиталистических стран. Через несколько месяцев должен был начаться судебный процесс над «врачами — вредителями и убийцами». Только смерть И.В. Сталина 5 марта 1953 г. позволила прекратить это сфальсифицированное «дело врачей» (такое название получило это судебное преследование). Ему предшествовали интенсивная антисемитская пропаганда в послевоенные годы и дискриминационные действия в отношении евреев, особенно врачей. Об этом так называемом «деле» почти ничего не сообщалось и тогда в советской печати, и в последующие 60 с лишним лет. В настоящее время израильская телевизионная компания Medalie productions создает документальный фильм, посвященный этому судебному процессу. Режиссер и оператор фильма специально приехали в Мюнхен взять у меня интервью по этому вопросу. Поделиться своими воспоминаниями об этом печальном эпизоде в истории советского государства и отечественной медицины мне захотелось и с читателями давно почитаемого мною журнала.

До Великой Отечественной войны в СССР не было государственного антисемитизма. При поступлении на работу практически не обращали внимания на 5-ю графу анкеты (национальность) — учитывались преимущественно деловые качества претендента. Когда в декабре 1939 г. в стране широко отмечалось 60-летие И.В. Сталина, во многих высших учебных заведениях была впервые введена студенческая стипендия им. Сталина. Я был среди первых сталинских стипендиатов в I Московском медицинском институте (ММИ) им. И.М. Сеченова (об этом была даже заметка в «Правде»). Среди сталинских стипендиатов было еще несколько человек еврейской национальности.

Когда немецко-фашистские войска в октябре 1941 г. дошли к Москве, нам, студентам V (последнего тогда) курса досрочно, без государственных экзаменов присвоили квалификацию врача и мужчин направили на фронт. Я прошел боевой путь от Москвы до Берлина, начав его с должности врача истребительного противотанкового артиллерийского полка и закончив заведующим отделением армейского полевого подвижного госпиталя. После демобилизации из армии в 1946 г. я попытался поступить в аспирантуру или клиниче-

скую ординатуру медицинского вуза, но все отделы кадров отклоняли мою кандидатуру. И это — несмотря на то, что в студенческие годы я был сталинским стипендиатом, несмотря на мои военные награды (Орден Красной Звезды, Орден Отечественной войны 2-й степени и множество медалей), даже несмотря на готовую рукопись моей будущей кандидатской диссертации «Проникающее ранение грудной клетки» (защищена в 1947 г. в I ММИ). Лишь благодаря счастливой благоприятной случайности мне удалось получить должность младшего научного сотрудника в клинике Института питания (штат научных сотрудников тогда утверждал директор института без согласования с отделом кадров; в дальнейшем эта «лазейка» была ликвидирована). Моему однокурснику Игорю Вольпе не удалось поступить в научный институт, а его кандидатскую диссертацию о газовой гангрене у раненых на ученом совете завалили. После смерти Сталина он успешно защитил эту диссертацию (без всяких исправлений) в том же ученом совете и был принят на должность преподавателя Московского университета.

Долго не могла найти работу и моя сестра. Она окончила в 1949 г. Московский институт стали им. Сталина (в дальнейшем — Московский институт стали и сплавов) и лишь в конце 1951 г. смогла устроиться инженером (естественно, по знакомству). Одному из моих пациентов, ведущему инженеру крупного предприятия, пытавшемуся нам помочь, отказали в отделе кадров, отметив, что их предприятие и так слишком «захлавлено» (т.е. в нем работает слишком много евреев).

В стране развернулась пропаганда против низкопоклонства перед Западом, а под ругательным «безродные космополиты» в газетах и на радио имелись в виду евреи. Не рекомендовалось публиковать научные статьи за рубежом, а в Центральной медицинской библиотеке Москвы долгое время не выдавались книги на иностранных языках.

Вспоминается партийное собрание в клинике, на котором осуждали профессоров Н.И. Певзнера и С.М. Лейтеса за то, что у них много научных работ опубликовано в зарубежной печати. Введены были акты экспертизы с необходимым подтверждением авторитетными лицами отсутствия секретных данных в направляемых в печать работах. После запрещения деятельности Антифашистского еврейского комитета (АЕК) (во время войны он собрал значительную сумму денег для помощи СССР в борьбе с нацистской Германией) и убийства в 1948 г. его председателя — народного артиста СССР С.М. Михоэlsa (была спровоцирована автокатастрофа) в стране усилились антисемитские настроения, выразившиеся в ограничении при приеме евреев на работу, поступления в вуз; вслед за врачами последовали увольнения и аресты ряда ученых других специальностей, руководителей учреждений, видных инженеров и хозяйственных работников, педагогов, в основном еврейской национальности. Вспоминается случай, когда по распоряжению высшего начальства ректор медицинского института уволил зав. кафедрой известного ученого К., но оформил его на должность лаборанта с исполнением профессорских обязанностей (вероятно, хотел соблюсти принцип: чтобы «и волки были сыты, и овцы целы»).

В дальнейшем выяснилось, что арестованных подвергали пыткам, избивали, лишали сна и пищи, чтобы получить признания во вредительской деятельности. Вслед за государственным усилился антисемитизм и на бытовом уровне. На всю жизнь наполнился мне мужской голос, раздавшийся в проходе заполненного людьми троллейбуса: «Эй, еврей, под-

винья!» Все промолчали, промолчал и я, про себя подумав: «Хорошо, что еще жидом не назвал».

В Клинику лечебного питания, руководимой заслуженным деятелем науки РСФСР проф. М.И. Певзнером, зачастили различные контролирурующие комиссии, выводы их порой могли стоить жизни. Приведу один эпизод. Проводившиеся в клинике исследования позволили установить, что режим с ограничением углеводов (РОУ) уменьшает воспалительный процесс и благоприятно влияет на больных ревматизмом и неспецифическим полиартритом, а нагрузка углеводами, наоборот, усиливает патологический процесс. Однако в медицине результаты часто не столь однозначны, влияет и индивидуальная реактивность. Детально изучая истории болезни наблюдавшихся пациентов, комиссия отобрала случаи, когда РОУ не улучшала состояние больных, и расценила их как фальсификацию научных данных, а если при нагрузке углеводами состояние больных ухудшалось, комиссия заключала, что имеет место явное вредительство.

Мануил Исаакович Певзнер был основателем диетотерапии в нашей стране; разработанные им 15 диет применялись во всех лечебных учреждениях.

В Центральном институте усовершенствования врачей (ЦИУ) им была создана кафедра гастроэнтерологии и диетотерапии. В 1952 г. приказом по Минздраву СССР эта кафедра была ликвидирована. Вскоре у Певзнера случился инфаркт. Уже после смерти М.И. Певзнера объявили участником «банды врачей-вредителей». Многих сотрудников клиники отправляли на пенсию, если они были пожилого возраста, или просто увольняли без всяких объяснений. Леонид Федорович Линчер должен был доказывать, что его фамилия издавна принадлежала немецким переселенцам. Ксения Лорие рассказывала, что ее допрашивали, не являются ли она или муж евреями, поскольку у нее такая фамилия. Она вынуждена была предоставить доказательства того, что эту фамилию носит ее свекор, известный профессор Иван Федорович Лорие, и что он является русским, поскольку его предки крестились еще до революции. Не коснулось увольнение лишь Эдит Георгиевны Парамоновой – ее фамилия по мужу не вызывала подозрений (хотя она была урожденной Арисон). Главный врач клиники Г.Л. Левин и проф. Л.Б. Берлин, заведовавший отделением, в котором я работал, были арестованы. Меня и еще двух молодых научных сотрудников приказом по Минздраву перевели на работу в периферийные научные институты. Лев Борисович Берлин был крупным ученым, его монография по хроническим колитам пользовалась широкой известностью. Вскоре после прекращения дела врачей его полностью реабилитировали, но жить ему осталось всего год.

Из репрессированных в связи с «делом врачей» мне, прежде всего, вспоминается заведующий кафедрой терапии ЦИУ профессор Мирон

Семенович Вовси, который во время войны был главным терапевтом Красной Армии. Я неоднократно слушал его содержательные доклады и выступления. И вот этого человека называли главарем «банды врачей-убийц». Когда после реабилитации он появился на заседании Московского терапевтического общества, присутствующие встретили его стоя, громкими аплодисментами. Он умер в возрасте 63 лет от саркомы голени (и не исключено, что причиной ее развития были перенесенные побои).

Моя двоюродная тетька Евгения Федоровна Лифшиц, работавшая педиатром в Кремлевской больнице, была арестована одной из первых, впоследствии была полностью реабилитирована, но прожила после этого недолго. О ней и других пострадавших подробно написал ее сын профессор Федор Миронович Лясс в книге «Последний политический процесс Сталина».

Я был немного знаком с братьями – профессорами Борисом Борисовичем Коганом (работал на кафедре госпитальной терапии I ММИ) и Михаилом Борисовичем Коганом (заведовал кафедрой терапии ЦИУ). Кстати, дочь Б.Б. Когана подарила для моей 2-летней дочери Анны детскую кроватку (до этого она спала в приспособленном для этого на столе корыте). И это был очень ценный для нас подарок, поскольку в послевоенные годы все было в дефиците или по карточкам.

Борис Ильич Збарский заведовал кафедрой биохимии в I ММИ. Он знаменит тем, что создал препарат для бальзамирования тела В.И. Ленина и организовал специальную лабораторию при Мавзолее. На своих лекциях проф. Б.И. Збарский рассказывал о задании правительства сохранить как можно дольше тело Ленина, ибо очень многие желали проститься с ним. Но ни эти заслуги, ни множество наград не оградили Бориса Ильича от ареста. После реабилитации он прожил недолго; умер Б.И. Збарский в декабре 1954 г. в возрасте 69 лет и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Среди арестованных по «делу врачей» было много известных московских профессоров, не раз выступавших на заседаниях научных обществ, – это Я.Г. Этингер, А.М. Гринштейн, Я.Б. Темкин, Я.Л. Рапопорт и др.

Проф. М.И. Певзнер (в первом ряду, пятый слева) с сотрудниками и курсантами. А.М. Ногаллер – крайний справа (Москва, 1950)

Кафедра терапии и курортологии ЦИУ (в первом ряду – преподаватели). В медицинском халате в центре проф. В.Е. Незлин; крайний слева – А.М. Ногаллер (Кисловодск, 1958)

Среди репрессированных в послевоенные годы были и русские профессора, в частности личный врач И.В. Сталина Владимир Никитич Виноградов, заведующий кафедрой факультетской терапии I ММИ. В Москве говорили, что В.М. Виноградов при очередной консультации рекомендовал Сталину ему ограничить нагрузку, учитывая его возраст и наличие гипертонии. Это могло не понравиться вождю, и он «отблагодарил» своего лечащего врача арестом (ведь без его согласия ни один начальник Комитета госбезопасности не мог репрессировать человека такого уровня). Я в свое время прослушал весь цикл лекций профессора Виноградова, бывал у него дома, ибо был не только однокурсником, но и другом его сына Владимира.

В.Н. Виноградов был председателем Всесоюзного и Московского обществ терапевтов, академиком АМН СССР, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. И этот заслуженный человек, измученный допросами, во время заключения в тюрьме был готов, по свидетельству очевидцев, подписать, являясь американским, английским, японским или каким-нибудь другим шпионом, только чтобы его больше не мучали. «Я старый человек, и так скоро умру» – говорил он. Сразу после реабилитации он в тот же день посетил клинику, которой руководил до ареста, а замещавший его профессор тайком выбрался через черный ход, чтобы избежать встречи с Владимиром Никитичем.

Профессор Петр Иванович Егоров был начальником Лечебно-санитарного управления Кремля, а во время войны – главным терапевтом Западного фронта. Он был не согласен с проводимыми репрессиями врачей и его скорее всего обвинили в потере бдительности. Лично с ним общаться мне не довелось, хотя я видел его на одной из фронтовых конференций.

Владимир Харитонович Василенко заведовал кафедрой пропедевтики внутренних болезней I ММИ в течение 40 лет (1948–1987). Я часто общался с сотрудниками кафедры и лично с В.Х. Василенко в последние 20 лет его жизни, поскольку заведовал такой же кафедрой в Рязанском медицинском институте им. И.П. Павлова. Часто встречались мы и на заседаниях Всесоюзного гастроэнтерологического

общества. Владимир Харитонович был доброжелательным, остроумным, широко эрудированным и скромным человеком. Присутствовал я и на торжественном заседании терапевтического общества, на котором Владимира Харитоновича поздравляли с 70-летием. Юбиляр умолчал о своих многочисленных наградах, почетных званиях, и говорил только об общих вопросах терапии и гастроэнтерологии. Не упомянул он и о незаслуженном аресте в качестве «врача-вредителя». О репрессиях в отношении В.Х. Василенко я узнал много позднее. Причиной ареста, видимо, стало то, что он возглавляя кафедру в I ММИ (сегодня клиника и кафедра носят имя В.Х. Василенко), пропедевтики и внутренних болезней, был также главным терапевтом 4-го Управления МЗ СССР и Кремлевской больницы. Сам Владимир Харитонович и его окружение не любили вспоминать об этом печальном эпизоде.

Летом 1951 г. я был переведен на Кавказ, в Ессентукскую клинику Бальнеологического института, где нашей семье из 4 человек поначалу предоставили трехкомнатную квартиру в новом доме на окраине города (здесь еще мало ощущались антисемитские настроения), а потом предложили освободить одну комнату для вновь прибывшего научного сотрудника, и только после прекращения «дела врачей» в 1953 г. нас оставили в покое. Тогда же моей жене, Мариам Лазаревне (она была кандидатом медицинских наук, участницей войны, проработавшей почти 10 лет ассистентом на кафедре нормальной анатомии I ММИ) удалось, наконец, получить работу по специальности – она стала преподавателем в Пятигорском фармацевтическом институте.

На базе Кисловодской курортной больницы располагалась кафедра терапии и курортологии ЦИУ, которой руководил профессор В.Е. Незлин, крупный ученый-кардиолог, автор ряда известных монографий. Его перевели в 1951 г. из Москвы в Кисловодск, а в 1952 г. арестовали как «врага народа».

В те времена после очередного ареста в коллективах проводили общие собрания, на которых штатные ораторы гневно осуждали деятельность «подлых шпионов и вредителей», одобряли политику партии и правительства. Помню, как на собрании вместо осуждения вражеской деятельности В.Е. Незлина доцент кафедры Евгения Павловна Федорова сказала примерно следующее: «Я работала с проф. Незлиным почти 20 лет и хорошо его знаю. Вениамин Ефимович мухи не обидит, не то чтобы заниматься вредительской деятельностью. Я не верю, что он мог бы быть шпионом или убийцей. Здесь какая-то ошибка». В те времена это было рискованным заявлением.

После реабилитации проф. В.Е. Незлин вернулся в Кисловодск, а позднее уехал в Москву. Многие люди не верили во вредительскую деятельность врачей и наличие каких-либо заговоров, но предпочитали молчать. Лишь очень немногие решались открыто выступить против линии партии и правительства. Можно надеяться, что «дело врачей» – эта трагическая страница истории СССР и советской медицины – никогда больше не повторится.

THE «DOCTOR'S CASE» (ACCORDING TO PERSONAL MEMORIES)

Professor **A. Nogaller**, MD
Ryazan, Russia; Munich, Germany

The paper presents the author's memories of the trial of doctors falsely accused of murder, sabotage, and espionage, which was preparing in the USSR in 1948–1953 at the personal order of I.V. Stalin.

Key words: history of medicine, «doctor's case».